

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.3

УДК 314; 316.3 | ББК 60.7

© Барсуков В.Н.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ И МОДЕЛЕЙ ДОМОХОЗЯЙСТВ В УСЛОВИЯХ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ¹

БАРСУКОВ ВИТАЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: lastchaos12@mail.ru

Старение населения представляет собой сложное системное явление с множеством социально-экономических последствий. Фундаментальной проблемой подхода в определении сущности и содержания изучаемого явления становится его многоуровневость. Данная статья нацелена на разработку и апробацию теоретико-методологического подхода к исследованию последствий старения населения на мезоуровне (старение семьи и домохозяйств). В статье доказана и концептуально обоснована необходимость учета таких последствий. В связи с недостаточной методологической проработанностью исследуемой темы предлагаются направления эмпирического анализа (демографические, экономические, социальные). Представлен анализ особенностей трансформации возрастной структуры и размеров домохозяйств в Российской Федерации. Подтверждена гипотеза об увеличении доли и числа домохозяйств-одиночек, состоящих только из пожилых людей. Обосновано применение коэффициента, результаты расчетов которого позволяют утверждать, что каждый четвертый представитель старшего поколения в городской и сельской местности проживает в одиночестве.

Цитата: Барсуков В.Н. Трансформация структуры и моделей домохозяйств в условиях старения населения // Социальное пространство. 2018. № 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.3

Citation: Barsukov V.N. Transformation of the household structure and model amid population ageing. *Social Area*, 2018, no. 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.3

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 16-02-00301/16 «Вторичная социализация пожилых людей как фактор качества жизни: тенденции, проблемы, механизмы».

Доказывается, что старение населения на мезоуровне ведет к увеличению типов домохозяйств «нетто-сберегателей». Выявлено, что одним из наиболее существенных последствий выступает процесс территориального разделения людей с родственными связями (рост числа мононуклеарных семей «дети-родители» и числа домохозяйств, состоящих только из пенсионеров), за которым неминуемо следуют сокращение социальных связей между ними и изменения в экономическом поведении. В данном случае можно говорить о появлении условной субкультуры «старости», которая основывается на чувстве общности пожилых людей и постепенном отдалении от других социальных групп. Эти социальные барьеры препятствуют эффективной реализации ресурсного потенциала старшего поколения, выступающей одним из главных факторов социально-экономического развития в условиях старения населения.

Старение населения, пожилые люди, домохозяйства, одиночество.

Старение населения является одним из главных демографических вызовов современности [1; 2], ставящим перед «стареющими» государствами сложные задачи по обеспечению достижения целей устойчивого развития (ЦУР). К фундаментальным проблемам относятся само понимание и концептуальное обоснование сущности «старения населения». В большинстве научных работ по исследуемой тематике [3–11] старение населения описывается как «демографический процесс увеличения доли пожилых людей в населении» с многочисленными последствиями для общества, которые, в свою очередь, также являются процессами изменения демографического, социального и экономического пространства. Таким образом, мы можем говорить о совокупности взаимосвязанных процессов преобразования (демографических, социальных, экономических), обусловленных едиными причинами. Следовательно, старение населения нужно рассматривать как целостное, единое, структурное и системное «явление». Определение старения населения как «процесса увеличения доли пожилых людей» сужает восприятие его сущности до причины, но не следствия, что сказывается на учете данной проблемы при стратегическом планировании. Старение населения имеет демографическую природу, но затрагивает практически все сферы общественной жизни.

Необходимо сделать еще одно методологическое отступление с целью установления границ в определении старения населения

как «процесса» и «явления». На наш взгляд, следует разграничивать понятия «демографическое старение населения» и «старение населения», т. к. в первом случае речь идет исключительно о закономерностях трансформации возрастной структуры населения и сдвигах в характере его воспроизводства, в то время как второй термин включает в себя весь спектр не только демографических, но и сопутствующих им социально-экономических изменений. Таким образом, «демографическое старение» следует рассматривать как «процесс» (трансформация возрастной структуры в рамках демографического перехода), а «старение населения» – в качестве «явления» (в данном случае совокупности параллельных процессов трансформации возрастной структуры и изменения социального и экономического пространства).

Таким образом, старение населения представляет собой системное, сложное и многомерное явление, включающее в себя совокупность взаимосвязанных процессов трансформации возрастной структуры и формирования социально-экономических последствий. Одной из главных характеристик изучаемого явления выступает множественность последствий. В предыдущих исследованиях [12] нами была сформулирована концептуальная модель формирования последствий старения населения на трех уровнях: микро (индивидуальное старение), мезо (старение семьи и домохозяйств) и макро (старение общества). Однако последствия на микро- и макроуровнях изучены достаточно

широко, а на социально-экономические и демографические аспекты старения семьи и домохозяйств внимание ученых обращено в гораздо меньшей степени, что и предопределило цель данного исследования.

Взаимосвязь последствий на мезоуровне можно представить следующим образом. Экономический аспект проявляется в изменении потребительского поведения «стареющих домохозяйств» (снижение потребления и увеличение накопления), за которым следует уменьшение совокупного спроса. Демографический аспект выражается в изменении структуры домохозяйств вследствие сокращения числа детей в семье и увеличения среднего возраста родителей, что ведет к изменению ценностных установок и сокращению межпоколенческих коммуникаций внутри семьи (социальный аспект). Следовательно, на наш взгляд, методологически правильным является комплексное исследование трех выделенных и взаимосвязанных между собой аспектов последствий старения населения на мезоуровне.

При составлении концептуальной модели уровней старения населения делалось предположение, что демографический аспект последствий на мезоуровне выражается в уменьшении размеров и старении домохозяйств вследствие снижения рождаемости и увеличения среднего возраста населения. Для подтверждения гипотезы воспользуемся данными переписей населения

2002 и 2010 гг. о размерах частных домохозяйств в Российской Федерации (табл. 1).

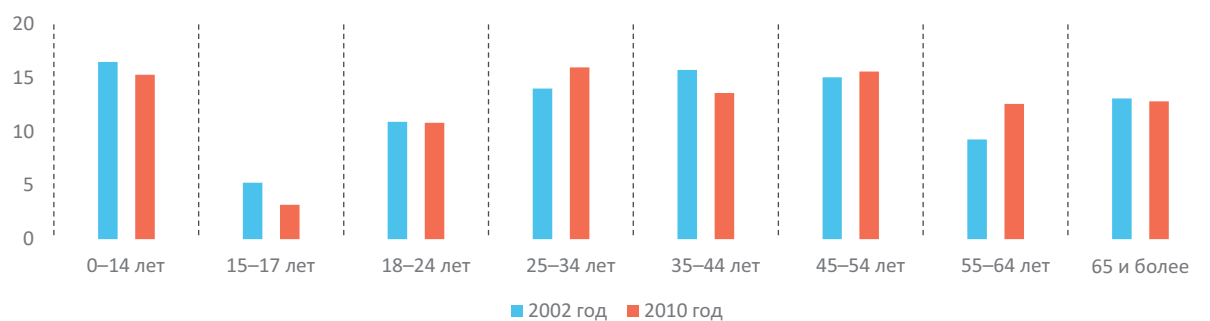
Как видно из таблицы, за непродолжительный период времени между двумя переписями произошли существенные изменения в размерах и структуре домохозяйств. Выражаются они в постепенном увеличении доли домохозяйств, состоящих из 1 и 2 человек (на 3,4 и 0,9% соответственно), при параллельном сокращении удельного веса более многочисленных семей. Прирост абсолютно го числа домохозяйств-одиночек за период с 2002 по 2010 год составил 19%. Таким образом, первая часть гипотезы об уменьшении размеров домохозяйств находит свое подтверждение при анализе данных переписей.

Однако уменьшение размеров домохозяйств еще не говорит об их старении. Для подтверждения второго демографического аспекта последствий старения населения на мезоуровне воспользуемся данными о возрастном составе домохозяйств (рис. 1).

Рисунок 1 демонстрирует, что за период с 2002 по 2010 год наметилось два тренда в изменении возрастной структуры населения домохозяйств: снижение удельного веса молодого населения в возрастной группе от 0 до 24 лет при параллельном увеличении доли групп старших возрастов. При этом наибольший прирост наблюдается в возрастной группе 55–64 лет. Таким образом, вторая часть гипотезы также находит свое отражение в статистических данных.

Таблица 1. Размер и структура частных домохозяйств в Российской Федерации по данным переписей 2002 и 2010 гг.

Размер домохозяйства	2002 год		2010 год	
	численность, ед.	в % к итогу	численность, ед.	в % к итогу
Всего домохозяйств	52711375	100	54560627	100
в том числе состоящие из:				
1 человека	11741449	22,3	14018754	25,7
2 человек	14534669	27,6	15563868	28,5
3 человек	12536743	23,8	12284058	22,5
4 человек	8943575	16,9	7907406	14,5
5 человек	3032437	5,7	2914802	5,3
6 человек и более	1922502	3,6	1871739	3,4
Источник: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru				

Рис. 1. Возрастная структура населения частных домохозяйств в Российской Федерации по данным переписей 2002 и 2010 гг., лет

Источник: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru>

Таблица 2. Возрастная структура и размер домохозяйств в Российской Федерации по данным переписей 2002 и 2010 гг.

Возраст, лет	Размер домохозяйства														
	1 человек			2 человека			3 человека			4 человека			5 человек и более		
	2002 год	2010 год	+/-	2002 год	2010 год	+/-	2002 год	2010 год	+/-	2002 год	2010 год	+/-	2002 год	2010 год	+/-
0-14	0,1	0,1	0	6,0	6,2	+0,2	26,1	25,5	-0,6	36,0	34,6	-1,4	31,8	33,6	+1,8
15-17	2,4	3,7	+1,3	9,2	11,3	+2,1	26,7	27,3	+0,6	36,1	31,7	-4,4	25,6	26,0	+0,4
18-24	5,3	7,4	+2,1	14,7	17,1	+2,4	27,8	28,7	+0,9	27,4	24,5	-2,9	24,6	22,3	-2,3
25-34	4,7	5,8	+1,1	14,1	15,8	+1,7	33,4	31,5	-1,9	26,3	25,3	-1,0	21,4	21,6	+0,2
35-44	5,1	6,8	+1,7	14,6	17,3	+2,7	29,5	30,4	+0,9	32,3	27,7	-4,6	18,5	17,9	-0,6
45-54	7,8	9,3	+1,5	26,3	27,9	+1,6	29,3	28,6	-0,7	21,1	19,2	-1,9	15,5	15,0	-0,5
55-64	15,3	15,0	-0,3	40,6	38,5	-2,1	20,5	21,7	+1,2	11,6	12,4	+0,6	12,0	12,4	+0,4
65 и более	26,1	29,7	+3,6	40,1	37,6	-2,5	14,6	14,7	+0,1	8,9	8,7	-0,2	10,2	9,3	-0,9

Источник: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru>

Далее обратимся к сводной таблице, объединяющей обе рассматриваемые характеристики (табл. 2).

В таблице наглядно представлено, что за межпереписной интервал произошло существенное увеличение доли домохозяйств (на 3,6%), состоящих из одиноких людей в возрасте 65 лет и старше. При этом в группах допенсионного возраста также наблюдается прирост домохозяйств, состоящих из 1-2 человек. Фактически изменения, происходящие в Российской Федерации, соответствуют основным положениям теории культур М. Мид, адаптируя основные положения которой к явлению старения населения, можно заключить следующее. Трансформация социального пространства при переходе от постфигуративной к префигуративной куль-

туре выражается в распространении модели нуклеарной семьи с сокращением межпоколенческих коммуникаций. В социальной структуре общества наблюдается увеличение доли и числа семей, состоящих преимущественно из родителей и детей, а также прирост числа домохозяйств, в которые входят только представители пожилого возраста. Таким образом, возникновение условного коммуникативного «разрыва» между поколениями обретает материальное выражение.

Выявленная тенденция к увеличению числа домохозяйств-одиночек имеет территориальные особенности, на которые необходимо обратить внимание (табл. 3).

Представительство старшего поколения в структуре данного типа домохозяйств в сельской местности выше, чем в городской

Таблица 3. Динамика изменения возрастной структуры домохозяйств-одиночек по данным переписей 2002 и 2010 гг.

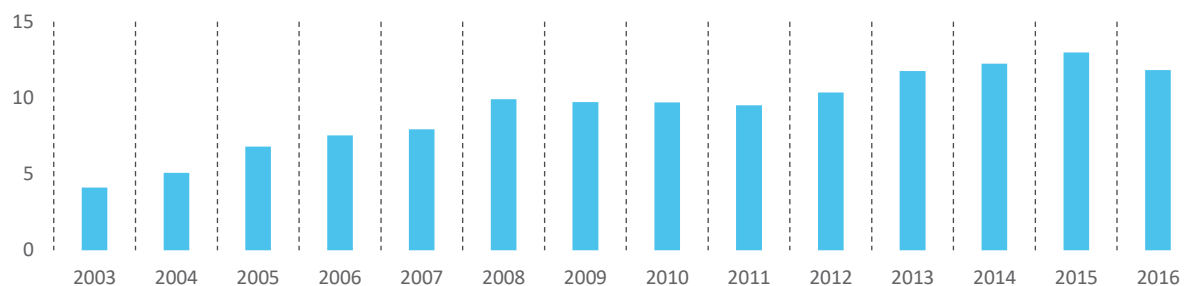
	Моложе трудоспособного возраста		Трудоспособного возраста		Старше трудоспособного возраста	
	2002 год	2010 год	2002 год	2010 год	2002 год	2010 год
Все домохозяйства	0,3	0,2	42,5	45,5	57,0	54,2
в том числе:						
в городской местности	0,4	0,3	47,0	48,4	52,4	51,2
в сельской местности	0,1	0,1	29,3	35,7	70,6	64,2
Источник: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru						

(64 и 51% в 2010 году соответственно). Однако линейное выстраивание структуры в территориальном разрезе не может являться подтверждением распространенного мнения о том, что одиночество пожилых граждан в гораздо большей степени характерно для именно для села. С учетом того, что домохозяйство-одиночка включает в себя отдельно взятого человека с уникальными социально-демографическими характеристиками, методологически оправданным является построение относительного показателя, который условно можно назвать «коэффициентом одиночества»: в числитель подставляется количество домохозяйств-одиночек определенного возраста в отдельно взятый год, в знаменатель – численность населения данного возраста в тот же год. Расчеты демонстрируют, что в 2010 году коэффициент одиночества населения старше трудоспособного возраста в сельской местности составил 24,8%, в городской – 23,6%. Значения показателей являются близкими, что позволяет говорить об утверждении о большей распространенности феномена одиночества пожилых людей в сельской местности как о недостоверном. Более того, с 2002 года значение коэффициента для пожилого населения городов увеличилось с 21,8 до 23,6% в 2010 году, в то время как на селе – с 24 до 24,8%. Данные опроса «Качество жизни пожилых людей в Вологодской области», проведенного Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» в 2015 году, свидетельствуют о том,

что представители старшего поколения в городах сталкиваются с ощущением одиночества чаще, чем сельчане (50 и 46,5% соответственно), а также в значительно меньшей степени ощущают уважительное отношение со стороны близких людей и родственников (36,5%, среди жителей сельской местности – 63%). При этом одинокий пожилой житель в городской местности имеет доступ к более обширному набору продуктов и услуг, рабочим местам, учреждениям социальной инфраструктуры [12], что во многом определяет и более высокое качество жизни. Таким образом, масштаб распространенности одиночества среди пожилых граждан в городе и на селе является сопоставимым, однако имеет разный контекст: для городских жителей преимущественно социальный, для сельских – экономический и инфраструктурный. Вероятно, именно эти различия являются определяющими в формировании общественного мнения относительно большей распространенности феномена одиночества среди представителей старшего поколения в сельской местности.

Проведенный анализ демонстрирует, что демографические аспекты последствий на мезоуровне ведут к изменению структуры домохозяйств. Следует предположить, что подобные трансформации влекут за собой и экономические последствия.

Одной из наиболее часто обсуждаемых проблем, связанных со старением населения, является сокращение темпов экономического роста в связи с сокращением потребления и увеличением накоплений. На *рис. 2*

Рис. 2. Динамика доли сбережений в структуре располагаемых доходов населения Российской Федерации

Источник: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru>

изображена динамика изменения доли сбережений в структуре располагаемых доходов населения Российской Федерации.

Представленные данные позволяют говорить о достаточно устойчивых тенденциях к увеличению доли сбережений, которые существенно не изменили своего направления даже в кризисные для экономики Российской Федерации годы (2008–2010 гг.). Подобные трансформации в экономическом поведении населения напрямую связаны с демографическими аспектами последствий старения населения, выражающимися в сокращении размеров домохозяйств и их старении [13]. Во многом это определяется и тем фактом, что за российским пенсионером закреплено право на продолжение трудовой деятельности и получение пенсионного пособия, из чего в условиях роста численности работающих пенсионеров [14] следует увеличение совокупных доходов населения. При этом сохранение прежнего уровня потребления ведет к росту возможностей для накоплений, однако в относительном выражении происходит снижение совокупного спроса.

В исследованиях [14; 15] доказывается прямое негативное влияние эффекта старения возрастной структуры на экономический рост, одной из основополагающих причин которого (наравне со снижением производительности труда) является снижение потребления вследствие увеличения доли и численности пожилых людей в населении, финансовое поведение которых ме-

няет вектор на увеличение сбережений домохозяйств. Однако у данного явления есть и положительные стороны. Концепция второго демографического дивиденда предполагает, что увеличение накоплений даже в условиях сокращения совокупного спроса может сыграть важную роль в поддержании устойчивых темпов социально-экономического развития [13; 16]. В условиях низкой рождаемости и увеличения продолжительности жизни населения домохозяйства становятся «нетто-сберегателями», т. е. увеличивают долю чистых накоплений. Очевидно, что этот капитал требует грамотного управления. Для этого необходимо принимать меры, направленные на повышение эффективности инвестиционной деятельности субъектов финансового рынка, обладающих активами населения пожилых возрастов. Как показывает зарубежный опыт, наиболее значимую роль в этом процессе (наравне с банками) играют негосударственные пенсионные фонды, эффективность деятельности которых в Российской Федерации сложно оценить как высокую, в том числе по причине отсутствия доверия к их деятельности со стороны населения пенсионного возраста.

Вторым направлением может стать стимулирование спроса на товары и услуги потребителей пожилого возраста, а также адаптация производимых товаров и услуг к потребностям старшего поколения. Переориентация производства продукции в направлении увеличения привлекательности для этой категории населения может стать

существенным фактором повышения совокупного спроса населения и увеличения денежных расходов в структуре располагаемых средств.

Одним из важнейших факторов обеспечения устойчивого развития в условиях старения населения выступает трудовая активность членов «стареющих» домохозяйств. Важным конкурентным преимуществом работников старших возрастов является большой опыт, но имеющиеся у них навыки значительно устаревают к концу экономического жизненного цикла индивида, что во многом определяется ускоренным технологическим прогрессом [14]. Данные социологического опроса «Качество жизни пожилых людей в Вологодской области» свидетельствуют о том, что 44% населения пенсионного возраста считают, что старшее поколение не склонно к инновациям и предпочитает работать по «старинке», и только 27% респондентов с ними не согласны. Таким образом, на рынке труда возникает несоответствие между потребностями инновационной экономики в кадрах и квалификацией населения, снижается адаптивность к новым условиям. Эта проблема является еще одной гранью последствий старения населения: возникает не только количественный, но и качественный дефицит на рынке труда. Таким образом, адаптация социально-экономического развития к условиям старения населения должна опираться на направления по преодолению консервативности «пожилых» домохозяйств в экономической и трудовой сферах.

Последним и самым трудным с точки зрения его определения является социальный аспект последствий старения населения на мезоуровне. Демографический аспект, выражающийся в старении и сокращении домохозяйств, предполагает и сокращение межпоколенческих коммуникаций. Фактически на протяжении нескольких последних десятилетий мы можем наблюдать процесс территориального разделения людей с родственными связями (рост числа нуклеарных семей «дети-родители» и числа домохозяйств, состоящих

только из пенсионеров), за которым неминуемо следует и сокращение социальных связей между ними. Эта проблема не менее значима, чем экономические последствия, с точки зрения формирования общественных ценностей. В данном случае можно говорить о появлении условной субкультуры «старости» [17; 18; 19; 20], которая основывается на чувстве общности пожилых людей и постепенном отдалении от других социальных групп (в том числе и на внутрисемейном уровне). Эти социальные барьеры препятствуют эффективной реализации ресурсного потенциала старшего поколения, выступающей одним из главных факторов социально-экономического развития в условиях старения населения.

Одним из возможных вариантов решения проблемы нивелирования последствий старения населения на мезоуровне может стать внедрение и активное распространение принципов вторичной социализации людей пожилого возраста. Эти меры должны осуществляться посредством выстраивания процесса коммуникации между пожилыми людьми и другими возрастными группами населения (как на уровне всего общества, так и на уровне семьи) с целью недопущения социальных и культурных «разрывов» между ними. Данную функцию могут выполнять культурно-досуговые центры для пожилых людей, которые, как показывает успешный опыт работы такого учреждения в г. Вологде (центр «Забота»), способствуют ресоциализации представителей старшего поколения, обеспечению поддержания внутрисемейных контактов (совместные мероприятия). Необходимо стимулирование и расширение участия некоммерческих организаций в процессе нивелирования экономических последствий старения населения на мезоуровне. Требуется переориентации социальных проектов на создание условий для стимулирования трансформации экономического и трудового поведения «пожилых» домохозяйств.

Особенности формирования последствий старения населения на мезоуровне должны учитываться при стратегическом управле-

нии социально-экономическом развитии территорий. Наблюдаемые изменения на уровне семей и домохозяйств влекут за собой трансформацию социального портрета общества в целом. Существует высокий риск возникновения еще большей межпоколен-

ческой «пропасти», в связи с чем требуется переход к новой социокультурной парадигме «старости», одним из основополагающих элементов которой должны стать поддерживаемые связи между поколениями на уровне семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2. С. 7–17.
2. Шабунова А.А., Барсуков В.Н. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления // Проблемы развития территории. 2015. № 1. С. 76–87.
3. Вишневецкий А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 239 с.
4. Протокол заседания Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/highlights/what_ECE_does/Russian/0726056_UNECE_AGEING.pdf
5. Россет Э. Процесс старения населения. М.: Статистика, 1968. 512 с.
6. Сафарова Г.Л. Демографические аспекты старения населения России // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/demograficheskie-aspekty-stareniya-naseleniya-rossii>
7. Сови А. Общая теория населения. Т. 2: Жизнь населения. М.: 1977. 520 с.
8. Реэр Д. Экономические и социальные последствия демографического перехода // Демографическое обозрение. 2014. № 4. URL: <http://demreview.hse.ru/2014--4/150230090.html>
9. Golini A. Demographic trends and aging in Europe. Prospects, problems and policies. *Genus*, 1997, vol. 53, pp. 33–74.
10. *The Aging of Populations and its Economic and Social Implications*. New York: United Nations, 1956. 168 p.
11. Walker A. Public policy and theories of aging: constructing and reconstructing old age. *Handbook of Theories of Ageing*, 1999, vol. 3, pp. 361–378.
12. Барсуков В.Н., Чекмарева Е.А. Последствия демографического старения и ресурсный потенциал населения «третьего» возраста // Проблемы развития территории. 2017. № 3. С. 92–108.
13. Lee R., Mason A. *Population aging, wealth, and economic growth: demographic dividends and public policy*. New York: WESS background paper, 2015. 35 p.
14. Зиберт Х. Эффект кобры. Как можно избежать заблуждений в экономической политике. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. 244 с.
15. *Ageing and Employment Policies: Live Longer, Work Longer*. URL: <http://www.oecd.org/employment/livelongerworklonger.htm>
16. Bengtson V., Achenbaum W. *The Changing Contract Across Generations*. New York: Aldine de Gruyter, 1993. 311 p.
17. Barr N. *The welfare state as piggy bank*. OUP Oxford, 2001. 316 p.
18. Carstensen L.L. Motivation of social contact across the life-span. *Nebraska Symposium on Motivation: Developmental perspectives on motivation*, 1992, vol. 40, pp. 209–254.
19. Dukhovnov D., Zagheni E. Who takes care of whom in the United States? Time transfers by age and sex. *Population and Development Review*, 2015, vol. 41, pp. 183–206.
20. Feuer L.S. *The Conflict of Generation. The Character and Significance of Student Movement*. New York, 1969. 543 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Барсуков Виталий Николаевич – младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: lastchaos12@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Barsukov V.N.

TRANSFORMATION OF THE HOUSEHOLD STRUCTURE AND MODEL AMID POPULATION AGEING¹

Population ageing is a complex system phenomenon with many socio-economic consequences. The fundamental problem of the approach to determine the nature and content of the phenomenon under study is its multilevel nature. This article aims to develop and test a theoretical and methodological approach to studying the consequences of population ageing at the meso-level (family and household ageing). The article proves and conceptually justifies the necessity to account for such effects. Due to insufficiently elaborated methodology of the research topic we offer the area of empirical analysis (demographic, economic, and social). We present the analysis of the features of the age structure and household size transformation in Russia. The hypothesis of increased share and number of single households consisting only of elderly people is confirmed. We provide justification for applying the index whose calculation results indicate that every fourth representative of the older generation in urban and rural areas lives alone. It is proved that population ageing at the meso-level leads to an increase in the number of “net-savers” households. It has been revealed that one of the most significant consequences is territorial division of people with family ties (increasing number of mononuclear “children–parents” families and households consisting only of retirees), which is inevitably followed by a reduction in social ties between them and changes in economic behavior. In this case, we are talking about the emerging conditional subculture of the “old age” based on community of the elderly and the gradual distancing from other social groups. These social barriers prevent effective implementation of the resource potential of the older generation, which is one of the main factors in socio-economic development amid population ageing.

Population ageing, the elderly, households, loneliness.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Barsukov Vitalii Nikolaevich – Junior Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: lastchaos12@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

---

¹ The study was supported by the Russian Fundamental Research Fund, project no. 16-02-00301/16 “Secondary socialization of elderly people as a factor in the quality of life: trends, problems, mechanisms”.